

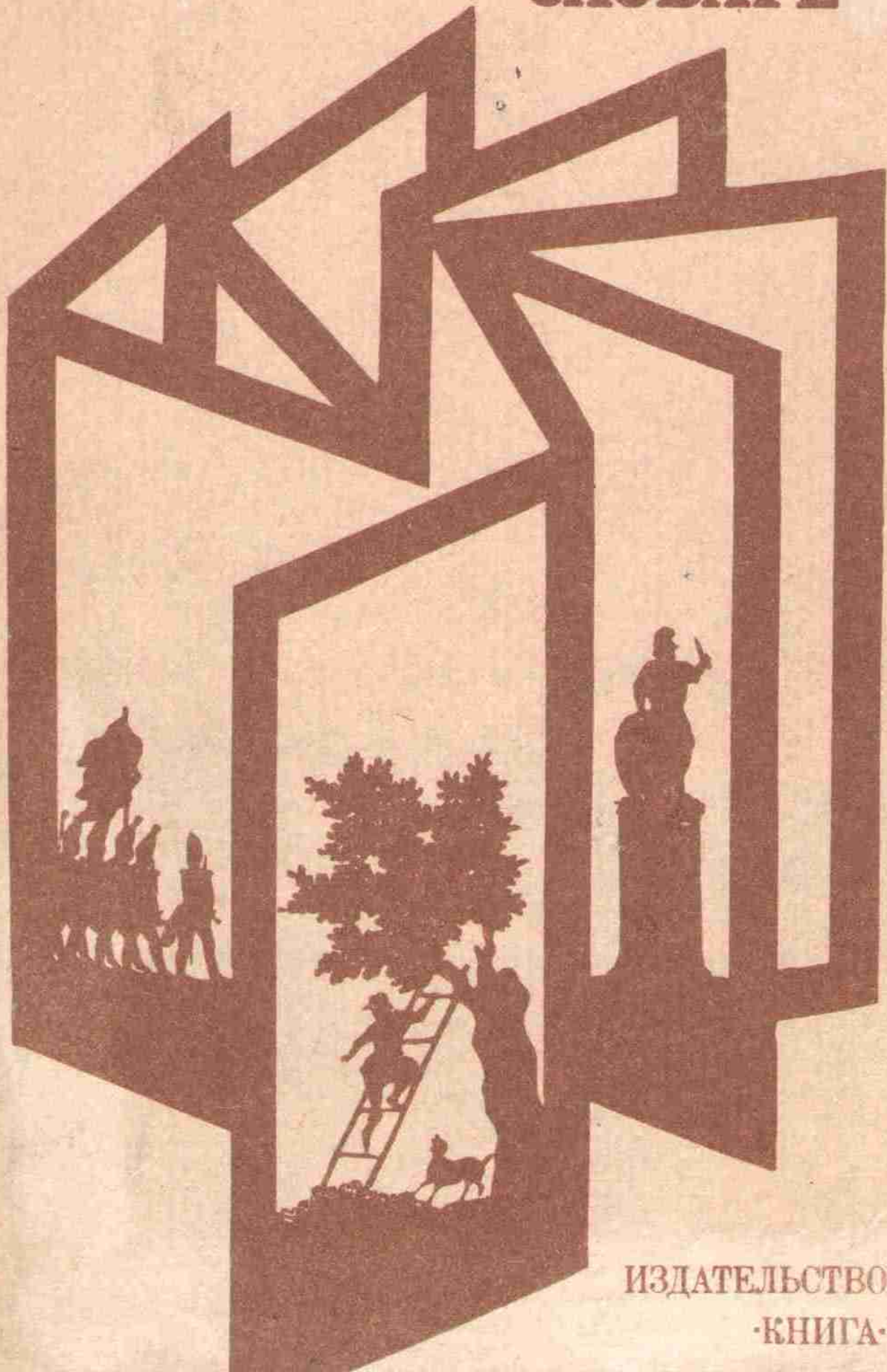
02.3

760

Судьбы книг

В. Порудоминский
**ПОВЕСТЬ
О ТОЛКОВОМ
СЛОВАРЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО
·КНИГА·

*Владимир Иванович Даль
Портрет работы В. Г. Перова*

ДЛЯ БИБЛИОТЕК

В. Порудоминский

**ПОВЕСТЬ
О ТОЛКОВОМ
СЛОВАРЕ**

002.1
П 60

+4(С)Р(092)

943692.03
09
17

МОСКВА «КНИГА» 1981
Суренбургская областная
библиотека им. Н. К. Крупской

ПОЗВЕДЕНИЕ

«ЧТО ЗА РОСКОШЬ, ЧТО ЗА СМЫСЛ, ЧТО ЗА ЗОЛОТО!»

«За словарь свой Даль принялся по настоянию Пушкина». Это записал со слов самого Даля издатель «Русского архива» П. И. Бартенев.

В Словаре находим толкование: «НАСТАИВАТЬ, *настоять...* на чем, усиленно просить, домогаться чего, требовать неотступно, приказывать и наблюдать за исполнением».

Даль познакомился с Пушкиным осенью 1832 года, вскоре после появления «Первого пятка» русских сказок. «Это было именно в 1832 году, — читаем у Даля, — когда я, по окончании турецкого и польского походов, приехал в столицу и напечатал первые опыты свои». Бартенев, опять-таки со слов Даля, подтверждает: «Познакомился с Пушкиным 1832 в Спб. Жуковский долго хотел поехать с ним вместе к Пушкину, но ему было все некогда. Даль взял свою новую книжку и пошел сам представиться». Здесь отмечены не только факт знакомства и время его, но и повод — «новая книжка»: то есть Далевы сказки.

«Пушкин по обыкновению своему засыпал меня множеством отрывчатых замечаний, которые все шли к делу, показывали глубокое чувство истины и выражали то, что, казалось, у всякого у нас на уме вертится и только что с языка не срывается. «Сказка сказкой, — говорил он, — а язык наш сам по себе, и ему-то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать, — надо бы сделать,

чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке... Да нет, трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото! А не дается в руки, нет!» — вспоминал Даль первую их встречу с поэтом.

Сказано немного сбивчиво, но Даль схватил, запомнил, видно, то, что для него всего дороже.

«Сказка сказкой, а язык наш сам по себе...» В сказках «Первого пятка» Пушкин именно то увидел, что Даль хотел показать: «образчики запасов».

«Сказка сказкой» — это же почти пренебрежительно, — дескать, бог с ними, со сказками, — и в самом деле, что Пушкину «переложенные», «приноровленные», сочиненные «на манер» Далевы сказки — у него за плечами и «Балда», и «Салтан», и незаконченная «Сказка о медведихе» («Как весенней теплою порою»): Пушкин, когда пришел к нему Даль, уже не только великий поэт, прозаик, драматург, но и сказочник. Народная сказка под его пером становилась литературой, поражающей проникновенной народностью. Пушкин еще прежде Даля записывал сказки, не приноравливая, не разукрашивая, восхищаясь ими в первоизданности их: «каждая есть поэма»!

«Изучение старинных песен, сказок и т. п. необходимо для совершенного знания свойств русского языка» — и это Пушкин прежде Даля высказал, — мог ли он не понять, не уловить тотчас задачи «Первого пятка»: «не сказки по себе ему важны, а русское слово»?

«Язык наш сам по себе...» Не язык «Первого пятка», не Далев язык, не «ваш» — язык *наш* сам по себе...

Пушкин опыт Даля вполне оценил, восхищаясь «образчиками запасов» — обильно приведенными в книге народными словами и пословицами («поговорками»): «что за роскошь... что за смысл, какой толк... что за золото!»

Он чутко уловил, понял и то главное, что было корнем, основой вместе далекой целью Далева собирательства: «выучиться говорить по-русски и не в сказке...» («Да нет, трудно, нельзя еще!»).

«Пушкин живо интересовался изучением народного языка, и это сблизило», — записал Бартенев со слов Даля.

Даль принялся за словарь *по настоянию* Пушкина: имеем право предположить, что в беседах с Пушкиным родилась мысль о словаре как наиболее удобном и действенном способе сбережения накопленного

слов и речений, что Пушкин усиленно просил, домогался, требовал, чтобы Даль работал над Словарем, наблюдал, по возможности, за исполнением. «Толковый словарь живого великорусского языка», в первоначальной мысли своей выпестованный создателем его около Пушкина и совместно с ним, становится в ряд с такими творениями, как гоголевские «Ревизор» и «Мертвые души».

Мы не знаем, явилась ли идея словаря уже в той первой беседе, поздней осенью 1832 года, или во время нескольких новых встреч в первые месяцы следующего, 1833 года, или, наконец, в сентябре 1833 года в Оренбурге, куда будущий составитель Словаря отправился служить и куда Пушкин прибыл, путешествуя по следам Пугачева, — в Оренбурге Даль и Пушкин провели несколько дней неразлучно.

Мы не знаем также, встречались ли Даль и Пушкин в течение трех с небольшим лет, с сентября 1833-го по декабрь 1836 года, — не исключено, что Даль приезжал в Петербург, но документальных подтверждений тому пока не найдено. Проводимые розыскания, впрочем, приносят все новые подтверждения бесперемежной (как выражался Даль) связи между ними.

В конце 1836 года служебные дела привели Даля в столицу — он пробыл там до последнего мгновения жизни Пушкина. Именно он, «друг Даль», «брат Даль», «доктор Даль» (так говорили самые близкие к Пушкину люди, так сам Пушкин говорил), один на один, провел с поэтом последнюю его ночь, именно его просил Пушкин за несколько минут до кончины:

— Ну, подымай же меня, пойдем, да выше, выше!

Приоткрыл глаза:

— Мне было пригрезилось, что я с тобою лезу вверх по этим книгам и полкам, высоко — и голова закружилась...

И снова:

— Ну, пойдем же, пожалуйста, да вместе!..

В последний раз Даль прожил вблизи Пушкина месяца полтора, идея словаря, видимо, начинала уже понемногу осуществляться, в оренбургские годы запасы Даля необыкновенно пополнились; Оренбург удобно расположен для собирания слов: Европейская Россия, Сибирь, Урал — все будто сошлось, сомкнулось, стянулось узлом в этом краю. Переселенцы с разных концов России (в одном уезде — выходцы из двадцати губерний), а отъедешь три версты — станция с нетронутой, самородной казачьей речью. В эти полтора месяца

Пушкин с Далем, конечно, не раз встречались, Пушкин жадно знакомился с собранными Далем сокровищами, — может быть, впечатление последних встреч более всего и высказалось впоследствии в исполненных чувства и содержания нескольких строках «Напутного слова»: «А как Пушкин ценил народную речь нашу, с каким жаром и усладою он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрений и острых замечаний и сравнений — я не раз бывал свидетелем».

Точно известно по крайней мере о двух их последних встречах. Тот же Бартенев писал со слов Даля: «За несколько дней до своей кончины Пушкин пришел к Далю и, указывая на свой только что сшитый сюртук, сказал: «Эту *выползину* я теперь не скоро сброшу». *Выползиною* называется кожа, которую меняют на себе змеи, и Пушкин хотел сказать, что этого сюртука надолго ему станет. Он действительно не снял этого сюртука, а его спорили с него 27 января 1837 года, чтобы облегчить смертельную муку от раны». Мельников-Печерский, тоже, конечно, со слов Даля, раздвигает рамки встречи, указывает на предыдущую: «Незадолго до смерти Пушкин услышал от Даля, что шкурка, которую ежегодно сбрасывают с себя змеи, называется по-русски *выползина*. Ему очень понравилось это слово, и наш великий поэт среди шуток с грустью сказал Далю: «Да вот мы пишем, зовемся тоже писателями, а половины русских слов не знаем!..» *На другой день (!)* Пушкин пришел к Далю в новом сюртуке. «Какова *выползина*! — сказал он, смеясь своим веселым, звонким, искренним смехом. — Ну, из этой *выползины* я не скоро выползу. В этой *выползине* я такое напишу...» Частный характер этих свидетельств, сосредоточенность их не на том важном для нас обстоятельстве, что Пушкин *встречался* с Далем (это вроде бы и так ясно: встречался, более того — *сам* к Далю приходил), а на подробности, на смешной и печальной одновременно истории с «*выползиной*», подкрепляет и без того несомненный факт достаточно тесного их общения.

На память о Пушкине достался Далю черный сюртук с небольшой дырочкой от пули против правого паха: *выползина*. Но подлинной памятью о великом друге стал для Даля по его настоянию начатый «Толковый словарь». «Я не пропустил дня, чтобы не записать речь, слово, оборот на пополнение своих запасов», — писал Даль на закате дней. И дальше: Пушкин «горячо поддерживал это направление мое».

УРАЛЬСКИЙ РОМАН

15 сентября 1833 года Даль и Пушкин ехали из Оренбурга в Бердскую слободу.

Шестьюдесятью годами раньше тою же дорогою добирался к Пугачеву Петр Андреевич Гринев.

Пушкин весел и разговорчив. По дороге он рассказывал Далю о Георгии Храбром и волке: про то, как сделался волк вором и бойником, как раздобыл свою серую шкуру. Даль записал сказку и напечатал ее еще при жизни Пушкина; после смерти поэта появилось следующее примечание: «Сказка эта рассказана мне А. С. Пушкиным, когда он был в Оренбурге и мы вместе поехали в Бердскую станицу, во время пребывания Пугача во время осады Оренбурга». (Через три года после этой поездки Даль прочитает в «Капитанской дочке»: Пугачев с Гриневым едут из Бердской слободы в Белогорскую станицу; в кибитке Пугачев рассказывает сказку об орле и вороне.)

Пушкина привлекает самобытная, ни на какую другую не похожая жизнь уральских казаков. Он тормошит Даля:

— Напишите о них роман...

После смерти поэта получил друг Даль вместе с сюртуком-выполной один из пушкинских перстней-талисманов. Даль любил смотреть на чуть продолговатый зеленый камень: «Как погляжу на него — хочется писать...»

Пушкинский наказ у него из головы не выходит: «У меня давно наготове уральский роман; быт и жизнь этого народа, казаков, цветиста, обильна незнакомыми картинками и жизнью — самородною; это интересный уголок...» На страницах его тетрадей жил странный, народный быт, жили новые слова и новый для уха здешний говор. Как говорит резко, бойко, отрывисто; отмечает языком каждую гласную букву, налегает на «р», на «с», на «т»; гласные буквы, напевно, скрадывает: вы не услышите у него ни чистого «а», ни «о», ни «е». Жила казацкая одежда — сарафаны, рубахи, кафтаны, пояски, конские масти, оружие казацкое (вроде «винтовки на рожках, из которой стрелял он лежа, растянувшись ничком на земле»), жили казацкие имена, от которых веяло заповедной стариной, — Маркиан, Евпл, Харитина, Гликерия. Далю казалось, что уральский быт не сегодня-завтра заживет в его толстых, похожих на альбомы, тетрадях: «Я много заготовил запасов для повести или романа,

который должен деяться и твориться в Уральском войске; жизнь и совсем отдельные, особые; обычаи и отношения мало известные, замечательные и достойные любопытства...»

Уральские казаки промышляют рыбу. У каждого казака долбленный челнок — *бударка* — легкий и ходкий; им правят помощью одного короткого весла. На красную рыбу заведена осетреть — *ярыга*, шести сажен длиной и четырех высотой, или, как говорят, «стеной». Если ловко и с умом выкинешь ярыгу, достанешь осетра; громадина осетр тяжело бьется о борта, качает бударку, глушат ударом по голове — *чекушат*, — приговаривая почему-то «хороша рыба», а «хорош зверь».

По взморью для ловли красной рыбы ставят *ахан* — сетку двойном полотне, одном мелком, неводном, с ячейками в вершине, другом редком — *режею* — с ячейками в четверть: проткнувшись *режею* и упершись в стену, рыба поворачивается, играя *плеском* (хвостом) и запутывается. Аханы ставят на кольях, отвесно к берегу несколько порядков (*выбивают порядки*), зимою и летом, особенно в ту пору, когда рыба идет к устьям рек метать икру. Для белуги *продель* берется толще и ячейки делают реже. Аханами же *окидывают* Каспии и тюленьи косяки.

На реке зимой первым делом ищут *ятовь* — омут, в который сытая рыба ложится на зимовку; она лежит тесно, один ряд на другом, как в бочке. Казак стальной пешней в три маха просекает двенадцать вершковый лед, опускает в прорубь длинный багор и щупает им поддевая рыбу. Белуги попадаются такие, что одному и не вытянуть пока тащит ее казак, льдина раз-другой перевернется под ним, окунется казак в жгучую воду, а тащит. И холод не берет — на мезе, в одной мокрой рубахе, казак только потеет, упарившись. Приезжие купцы в тяжелых шубах прохаживаются по берегу; взвешивают на сани шести- или осемипудовую рыбину, повезут в Саратов, Москву или Питер...

Простые казаки и рыбу едят простую, черную; краше — белуга, севрюга, осетр — им «не по рылу»; на столе у казаков полгода пустые щи да постная каша. Хорошо еще, что здесь свято блюдают посты — «Нужда и в велик день постится». В походы казаки берут с собой *кокурки* — хлебцы с запеченным внутри яйцом.

К походам уральцы привычны, собираются быстро: винтовку на плечо, саблю на бок, пику в руки, сам на коня. Случается, треб

и в дальние походы, но чаще вскидываются казаки по
веноге, когда по берегу Урала запылают ярким пламенем мая-
шесты, обвитые камышом и соломой.

«Запасов для повести или романа», в самом деле, хоть отбавляй, но
повести, ни романа Даль не написал, сколько ни вглядывался в зе-
ленистый лучистый камень на пушкинском перстне. Пушкин пять дней
был в Оренбургском крае — и под пером его родились плени-
тые образы «Капитанской дочки», Даль годами изучал лица,
характеры, язык, черты быта и отношения, в дальнем и тогда неведо-
мом краю сложившиеся, но роман не получился. Все, что знал, уле-
пестил в два десятка страниц точного текста под названием «Уральский
роман» («Это не повесть и не рассуждение о том — о сем, а очерк, и
всего мастерски написанный», — тотчас определил Белинский).

Завещанный роман не получился, зато получился новый
интересный писатель — многие рассказы его, по словам того же
Белинского, «обогащают вас такими знаниями, которые, вне этих
условий, не всегда можно приобрести и побывавши там, где бывал
Даль». Писатель Даль (Казак Луганский) и в оренбургские годы, и
позднее, живя в столице, не одни очерки писал, и хотя романа не сочинил,
но повести создавал рассказы и повести, не пренебрегал занимательным
сюжетом, неожиданным положением, любопытным характе-
ром, — недаром назвал одно из собраний своих сочинений «Были и
небылицы». Но сюжет в повестях и рассказах Даля часто расползался,
повествование затягивалось, герои и вообще лица, написанные сочно и
наверняка точно, привлекая к себе внимание читателя, странно не
задерживались в памяти, не становились нарицательными. Сила,
значение повестей и рассказов Даля, их успех (а успех был, и нема-
лый) — не от занятости сюжета, не от мастерства повествования, не
от глубины раскрытия образа; сила и значение прозы Даля — в точно-
сти и меткости взгляда, в завлекательной подробности картин, в
верности наблюдений. В самых затейливых Далевых небылицах
ничего интереснее быть. «Где основа рассказа проще, малосложнее,
менее запутана, там и рассказ выходит лучше», — отмечал Белинский.
М. Горький видел в сочинениях Даля «огромную ценность
ценных исторических документов», утверждение особого отноше-
ния к материалу. Это отношение замечательно выразилось в переписке
Даля с Жуковским, которого почитал он старшим другом и настав-
ником.

Жуковский, будучи воспитателем наследника, сопровождал августейшего подопечного в путешествии по России. Оказавшись проездом в Оренбурге, он просил Даля подобрать ему сюжет «восточной» поэмы или баллады. «Я обещал Вам основу для местной поэмы здешних дум и баллад... а между тем обманул, — отвечал Жуковскому. — Но дело вот в чем, рассудите меня сами: надобно в рассказу цвет местности, надобно знать быт и жизнь народа, мелочные его отношения и обстоятельства... иначе труды мои наполовину пропадут; поэму можно назвать башкирскою, кайсаковою, уральскою, — но она, конечно, не будет ни то, ни другое, ни третье».

В прозе Даля всего дороже именно знание быта и жизни народа вплоть до мелочных отношений и обстоятельств, ощущение «местности», эта *бывалость* Даля, которую неизменно отмечал Белинский, это высоко ценимое им умение отличать владимирского крестьянина от тверского или ярославского, это — «русского человека он знает, как свой карман, как свои пять пальцев», которое восхищался Тургенев, — все, что пробуждалось и укоренялось в Даля, — прозаике Далем — составителем Словаря. Подробнейшие карты русского быта жили в Дале, в рассказах и повестях его, в памяти и чувстве, если угодно, не просто образом, но — выражаясь словами Даля, — «всё, что в нем, либо просто слово за словом, либо с оглядкой на вешки — *урал, урал-казч, орнб, вост, касп* и проч.

«А» — АХАН: *аханный промысел* особенно опасен зимою; когда со всем снаряжением едут к месту лова на санях по морскому льду, *рына* — ветер с моря — взламывает лед; если подует после *эверховой* ветер, рыбаков на огромных льдинах уносит в открытое море; и на это придумано свое словцо — *быть в относе*. Аханье *рыболовство* должно отличать от *неводного* ((Даль в Словаре подробно рассказывает, как ловят неводом, излагает его устройство, перечисляет разные виды неводов), а также от *рыболовства шашкового* («веревка протянута под водой на двух кольях, к ней привешены поводки, на поводках часто подвешаны крючки, кованцы, острые, но без наживки; хребтина плавает на шашках; протираясь по дну, рыба садится на крючок»), *кусового* — «на крючки и наживу» (тут же — «*Кусок рыбы, икра, урал-казч*, назначенные для царского куска, гостиныя, отправляемого ежегодно первым зимним путем ко двору»), након-

багренного рыболовства, зимнего лова красной рыбы, когда вытаскивают ее прямо багром из логова, из ЯТОВИ («Я»): «Багренье начинается с Уральска в срочный (т. е. когда определен срок) день и час, в пушке (два багренья: *малое* в декабре, *большое* в январе); все войско собирается разом на лед и спускается вниз по реке, день за день, *по рубежам, участкам*».

Среди пословиц в гнезде «НЕВОД» находим такую: «В чужой прудок не пускай неводок». Умелец Даль к рыбной ловле не пристрастился, однако весь свой век только тем и занимался — пускал неводок в чужой прудок: слушал разговоры рыбаков и вязальщиков сетей, парней и плотников, пасечников и кузнецов, садоводов и бродячих торговцев — чутко слушал один бесконечный и необъятный живой поток жизни — и всякий день вытаскивал богатый улов.

ПОЗНАКОМИТЬ РУССКИХ С РУСЬЮ

Каждая его строчка меня учит и вразумляет, придвигая ближе к пониманию русского быта и нашей народной жизни...» — писал Гоголь о Дале (до «Толкового словаря» не дожил). И следом: «Этот трудитель полезен и нужен всем нам в нынешнее время. Его сочинения — живая и верная статистика России».

Слово *статистика*, на сегодняшний взгляд, к литературе не имеет отношения, к сочинениям — не имеет. Но вот и Белинский именует Даля «живою статистикою живого русского народонаселения».

Слог времени. В Далевом Словаре находим: «СТАТИСТИКА — наука о силе и богатстве государства, о состоянии его в данную пору» и (для нас существеннее) «история и география в известный срок».

...Вечером 19 сентября 1845 года, уже в Петербурге, у Даля собралось восемь человек (в их числе географ и статистик И. Арсеньев, мореплавател Ф. П. Врангель, астроном и геодезист И. Струве) на первое заседание Русского географического общества. Даль сосредоточил свою деятельность в этнографическом отделении общества (в Словаре читаем: «ЭТНОГРАФИЯ — описание быта, нрава и обычая народа», «народоописание»).

Даль не отправился ни в одну из экспедиций учрежденного им Географического общества; отчеты и протоколы заседаний и здесь свидетельствуют о своеобразии его деятельности: он знакомит собравшихся со

ОГЛАВЛЕНИЕ

НАПУТНОЕ

- Приглашение к Словарю
- «Замолаживает»
- Для сведения
- «Одно и притом цельное действие»

ОСНОВАНИЕ

- «Душой восторженной...»
- «Я думаю по-русски...»
- Тридцать четыре слова мичмана Поцелуева
- «Дабы быть на свете полезным человеком»
- Во зеленых лузах
- «Не сказки по себе были ему важны»

ВОЗВЕДЕНИЕ

- «Что за роскошь, что за смысл, что за золото!»
- Уральский роман
- Знакомить русских с Русью
- Из записных книжек Гоголя
- Один может сложить костер
- Для справок и поверок
- Сколько стоит слово
- Как говорят в Ворсме и на реке Пьяне

Пословицы русского народа	62
Словарь	66
ПЕРШИНА	75
От «А» до «У»	75
Подвиг	81
«Что такое вышло»	83
Исправленное и значительно умноженное	88
Согласно с Далем	91
«Выбор предоставлен писателю»	97
Мастера и подмастерья	104
«Хотя и предчувствовал всю трудность задачи»	109
«Великолепная вещь, но...»	116
Передний заднему мост	118
ПРИМЕЧАНИЯ	121

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66

Серия «Судьбы книг» рассказывает о выдающихся произведениях русской, советской и зарубежной литературы; прослеживает, как зарождался замысел книги, как отразился в ней облик эпохи, как восприняли книгу ее современники и читатели новых поколений.

В 1981 году выйдут в свет:

**Краснов Г. В.
Последние песни
О поэзии Некрасова 70-х годов**

**Меламед Е. И.
Джордж Кеннан против царизма
«Сибирь и ссылка» Дж. Кеннана**